

## ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-71-86

### НОВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ «ИЗОЛЯЦИОНИЗМ» Д. ТРАМПА: ЧЕГО ЖДАТЬ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ?<sup>1</sup>

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э., Немцев В. В.

**Аннотация:** В статье определены принципы трансформации внешнеполитического курса США после 2016 г. как на глобальном уровне, так и на региональном, на основе анализа исторического опыта американской внешней политики и основных доктринальных документов; определены основные причины трансформации внешнеполитического курса администрации Дональда Трампа в первую президентскую каденцию и сделан прогноз на вторую. Сочетание в методологии системного и геополитического подходов позволило обеспечить творческое применение принципов диалектики, заложенных в американской внешнеполитической традиции, – изоляционизм и интервенционизм, с одной стороны, и политический реализм и идеализм, с другой. Авторы пришли к выводу, что внешняя политика США будет основываться на большей самостоятельности от своих союзников, акценте на силовом воздействии на конкурентов: Китай, Россию, Иран и Северную Корею – и будет направлена на формирование благоприятного для США «баланса сил» в различных регионах с недопущением контроля одной державой какого-либо из мировых регионов. Черноморско-Средиземноморский регион отдельно не выделяется США, однако является частью трех центральных для американской внешней политики – Европы, Ближнего Востока и Африки. Такая постановка дает определенные рамки для реализации российского внешнеполитического курса, которые заключаются в разделении сфер влияния в Черноморском регионе с Турцией и недопущении «третьего лишнего» с одновременным формированием для себя выгодного баланса в Средиземноморском регионе, особенно в восточной его части, через расширение круга союзников. При этом внешняя политика России в этом регионе должна исключать сценарий, при котором США и/или их союзники реализуют историческую аналогию Крымской войны и Парижского мирного договора 1856 года.

**Ключевые слова:** США, Россия, изоляционизм, интервенционизм, глобализм, баланс сил.

---

1 Ряд тезисов статьи был опубликован на английском языке в 2022 г. в статье Irkhin A., Moskalenko O. The Global Crisis and the USA Search for Its New Identity: Trump's Attempt of Transition from Globalism to Isolationism // Journal of Globalization Studies. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 20-31. – DOI 10.30884/jogs/2022.02.02.

В условиях формирования нового мирового порядка современный мир стремительно распадается на макрорегионы, все большее число которых пребывает в состоянии военно-политической и внутривластной нестабильности. Исторических векторов строительства нового мира два: субъекты международных отношений пересматривают итоги двух мировых войн – холодной и Второй мировой. Но центры силы – США, Китай, Россия, Великобритания, Германия, Индия – пока не нашли разумного консенсуса относительно структуры и принципов новой системы международных отношений. И если на первый вектор ориентируются полупериферийные страны БРИКС, то пересмотр итогов II мировой войны связан с объективными причинами. Во-первых, за более чем 80 лет существования установленный в Ялте мировой порядок перестал отвечать вызовам времени; во-вторых, в рамках интервенционизма США демонстрируют имперское перенапряжение и усталость, вызванные внешними условиями: отсутствием необходимости сдерживания СССР вот уже как треть века. Эти две мировые тенденции экстраполируются на регионы, проявляясь в гибридной конкуренции между различными центрами силы. Очевидно, усугубляющим фактором является глобальный экономический кризис, выступая в роли своеобразного драйвера многих внутри- и внешнеполитических решений.

Находясь на экономической периферии Запада, Российская Федерация после 2007 года пытается пересмотреть итоги окончания холодной войны. Однако логика Москвы – это всего лишь ответ на продолжающееся сокращение российского влияния в мире и на постсоветском пространстве. Причём вторая тенденция провоцирует первую. В 2008 и 2014 гг. Россия приостановила экспансию Запада в Черноморском регионе, а использовавшиеся ранее механизмы давления (финансово-экономические санкции, угрозы интервенций, цветные революции) сочетаются с явным военно-политическим давлением в рамках выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), что меняет стратегические подходы к взаимному ядерному сдерживанию. Специальная военная операция России на Украине стала пиком гибридного столкновения коллективного Запада и Незапада, где РФ встала в авангарде незападного сопротивления по формированию новой модели мироустройства, разрушая попытки сохранить в мире однополярность западной цивилизации. Региональные оттенки этих тенденций амбивалентны: внутренние противоречия разрушают США и возглавляемую ими коалицию, Россия по-прежнему подвергается нападкам, при этом она проводит политику встречного наступления и частично восстанавливает советские позиции за рубежом. Утрата большинства возможностей после 1991 года была связана с утратой суверенитета России над своими окраинами, пространственное развитие которых происходило на протяжении последних 400 лет в рамках российского имперского организма.

Сам характер президентских выборов в США 2016 года, последующий период политического противостояния и выборы 2020 и 2024 гг. продемонстрировали глубочайший раскол элит США. В основе элитного противостояния лежит конфликт видения будущего и определения места США в нем. Этот же конфликт сводится к противоречию между финансовыми – глобалистскими элитами – и американским истеблишментом, выступа-

ющим за возвращение в США промышленного и высокотехнологичного производства с одной стороны, и против использования власти Вашингтона в интересах мировых финансовых элит – с другой. В экономической сфере это конфликт между выбором спасения мировой финансовой системы, которая является системой американского федерального резерва, за счет американской реальной экономики или спасения экономики за счет финансовой системы США.

В политическом аспекте такая экономическая политика связана с эрозией мирового политического порядка и экономической структуры, сложившейся после 1991 года, или, что еще масштабнее, после окончания Второй мировой войны, и с прекращением, пусть и временным, проекта глобализации, а также с определенным отходом на прочно укоренившиеся в американской культуре, но почти забытые рельсы американского изоляционизма и логики односторонних действий со свободой рук от союзов периода холодной войны.

Целью статьи – выявление и исследование основ и принципов внешней политики США, реализуемых администрацией Трампа в первую каденцию его президентства с учётом возможной перспективы их разворачивания в период его второго президентского срока. Для достижения цели авторы определяют основные причины трансформации внешнеполитического курса США; анализируют историю и культурные традиции американской внешней политики; и на основе последних основных доктринальных документов США, принятых в первый президентский срок Д. Трампа показывают роль пространственного фактора в мышлении администрации Трампа; в результате авторы на уровне научной экспертизы выявляют новые подходы США во внешней политике и их последствия для Российской Федерации с учётом ближайшей перспективы.

Методология исследования базируется на системном, историческом и геополитическом подходах. Первый из них обуславливает творческое использование диалектики внешнеполитической традиции США, где, с одной стороны, присутствуют изоляционизм и интервенционизм, с другой – политический реализм и идеализм. Используются методы анализа и синтеза, историко-генетический, историко-системный и метод обобщения.

Логика исследования включала в себя два этапа. На первом – теоретическом – авторы выделили параметры американского изоляционизма и его соотношение с традициями американского интервенционизма. На втором – более прикладном этапе – были проанализированы доктринальные документы администрации президента Д. Трампа: Стратегия национальной безопасности 2017, Стратегия национальной обороны 2018 и Стратегия национальной биологической защиты 2018. Синтез и сопоставление первого и второго этапов исследования позволяют определить сущность внешней политики американского президента в прошлом, настоящем и будущем, а также её сущность и характер в рамках «нового американского изоляционизма», который, как покажет исследование, сильно отличается от изоляционистской политики в традиционном понимании.

Как отмечает советский исследователь Е.И. Попова, «на протяжении многих десятилетий изоляционизм оказывал весьма заметное влияние на формирование внешней политики США, её методов и тактики. Каждый поворот во внешнеполитическом курсе

страны, начиная с конца XVIII в. и вплоть до 1950-х годов неизменно сопровождался появлением изоляционистских группировок и острой борьбой между изоляционистами и интервенционистами. <...> В американской <...> историографии изоляционизм чаще всего трактуется как подлинное содержание внешней политики США до 1941 г. (с некоторыми отступлениями при Вильсоне, отчасти при Рузвельте). Эта политика определялась якобы отказом от союзов с европейскими державами и особенно с Англией» [1, с. 78–79].

Появление доктрины изоляционизма американская историография относит к выступлениям Джона Адамса в 1775 и 1776 гг. Так называемое завещание Вашингтона 1796 года предписывало воздерживаться от каких-либо политических союзов с европейскими странами, кроме временных, продиктованных чрезвычайной необходимостью, так как подобные союзы втянут США в европейские конфликты, свяжут свободу их действий. Это положение изоляционисты объявили классической, основополагающей формулировкой своей доктрины. Острая борьба между изоляционистами и интервенционистами разгорелась в период появления доктрины Монро – второй «священной заповеди» американского изоляционизма.

Сам термин «изоляционизм» впервые появляется в середине XIX в. Особенно громко изоляционисты заявили о себе в связи с испано-американской войной 1898 г. Эта борьба обостряется в годы создания Версальско-Вашингтонской системы и в канун Второй мировой войны. Американские историки неоднократно заявляли, что лозунги изоляционизма стали безнадежным анахронизмом, что бомбы, упавшие на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., навсегда похоронили их. Однако в конце 1940-х и начале 50-х годов некоторые политики США, сторонники создания «позиции силы», попытались снова апеллировать к доктрине изоляционизма, требуя отказа от плана Маршалла, НАТО и других форм сотрудничества с Европой, замены их политикой одностороннего диктата США [2].

Ведущий российский американист Федор Войтоловский описывает феномен американской внешней политики в системе координат изоляционизма и интервенционизма следующим образом: «В Соединенных Штатах на протяжении истории менялось соотношение двух составляющих внешнеполитической идеологии. С одной стороны, рос и эволюционировал американский глобализм, с другой – сохранялся, видоизменялся и трансформировался изоляционизм. Последний выражался в стремлении расставить приоритеты в области внешней политики таким образом, чтобы оптимизировать решение задач собственного развития и сохранения влияния в Западном полушарии, исторически приоритетном для США. Американский изоляционизм был связан со специфическим пониманием безопасности и очень сильно отличается от тех его вариантов, которые сложились в других странах. Оно предполагает не только защищенность собственной территории, собственных граждан, но и создание такого международного окружения, такого мира, который будет безопасным для Штатов. Это устремление подталкивает к активному вмешательству в дела других регионов мира. Иными словами, изоляционизм побуждает США к ведению наступательной внешней политики» [3, с. 163].

Чарльз Капчан считает, что США обязаны возникновением идей американского изоляционизма поиску новой американской исключительности, которая давала бы ответы на вызовы времени; и это уже будет третья американская исключительность: первая – изоляционизм, вторая – глобализм, а третья должна быть связана с новым внешне-политическим курсом. По его мнению, США не могут вернуться к первой исключительности, то есть к изоляционизму, поскольку вызовы времени ушли далеко вперед, а исключительность глобализма привела страну к глубокому кризису. Капчан выделяет пять компонентов американской исключительности: исключительная география, автономия во внутреннем и внешнем развитии, вера американцев в свое мессианство, экономическая мобильность и социальное равенство, исключительный англосаксонский народ Америки. Поиск новой американской исключительности «версии 3.0» потребует переосмысления всех пяти столпов ее идентичности [4]. Но следует учитывать, что в течение длительного периода США отстаивали глобализацию: «Став единоличной гегемонией после окончания холодной войны, США в конечном итоге взяли на себя право направлять, защищать другие государства, а также расширять свою повестку глобализации за пределы своих границ. В результате несколько стран, как больших, так и малых, оказались зависимы от военной поддержки США, отсюда и возможность контроля США над их военным аппаратом, что автоматически означает подрыв политической власти таких государств» [5, с. 30].

Таким образом, можно выделить параметры американского изоляционизма, как в классическую его эпоху, так и после выхода внешней политики США из географических рамок доктрины Монро:

1) Приоритет национальных интересов и их реалистическая интерпретация над идеалистическим мессианством по распространению американских ценностей за пределами Америки.

2) Ограниченная логика в вопросах заключения союзов за пределами Западного полушария и поддержание монопольного права применения силы в этой части света. Взгляд с другой стороны дает следующую производную: США будут препятствовать распространению чужой логики «баланса сил» на американском континенте, в то же самое время, даже в изоляционистский период (1776–1941) они руководствовались этой логикой в своих интересах за пределами своего «заднего двора».

3. Еще один параметр американского изоляционизма емко сформулировал Ф. Войтоловский: «...американский глобализм содержит в себе элементы, привнесённые изоляционизмом. В свою очередь, американский изоляционизм отличается от других форм изоляционизма, поскольку он не нацелен на то, чтобы закрыться от мира. Он нацелен на то, чтобы все то, что происходит вовне, не создавало даже потенциальных угроз для самих США и служило интересам их развития» [3, с. 164].

В своей книге «Буря перед затишьем: американский раскол, кризис 2020-х и триумф впереди» (2020) Джордж Фридман показывает, как глубокие структурные изменения, которые в настоящее время происходят в США, приводят к серьезной напряженности. Федеральная власть периодически претерпевает своего рода сдвиги, в ходе

которых меняется способ ее функционирования и привычное взаимодействие с обществом. Эти сдвиги вызваны постоянно углубляющимся провалом системы. Экономика также претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные отчасти избытком денежной массы и ограниченными инвестиционными возможностями. В свою очередь, это порождает заметное снижение производительности из-за снижения инновационного потенциала. На фоне этих двух полюсов напряженности, а также давления, возникшего из-за попыток США найти свое место в меняющейся мировой системе, связующая сила американского общества ослабла и будет продолжать ослабевать на протяжении 2020-х годов. Поэтому, независимо от того, кто станет президентом, в ближайшее десятилетие страну охватят страх и ненависть [6, с. 1–9].

Дилеммы американской внешней политики по линии «изоляционизм и интервенционизм» описывает патриарх американской политической мысли Г. Киссинджер: «Первый <подход к внешней политике> заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потом служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе» [7, с. 10]. Эта диалектика американской внешней политики накладывается еще на одну двойственную пару, наполняющую ее смыслами – политический реализм и политический идеализм.

Политический реализм и мессианский идеализм по распространению американских ценностей явно проявились в деятельности двух рядом стоящих в истории США американских президентов Теодора Рузвельта (1901–1909) и Вудро Вильсона (1913–1921). Рузвельт полагал, что Америка должна руководствоваться логикой «баланса сил» и, следовательно, «сфер влияния» в реализации своих национальных интересов в независимости от внутреннего политического и экономического уклада военно-политического партнера, в то же время, В. Вильсон был сторонником распространения американских ценностей на весь мир, что сделало бы этот мир более безопасным и более совершенным.

Таким образом, четыре переменные: изоляционизм, интервенционизм, реализм и идеализм – лежат в основе системы координат американской внешней политики, которая была сформирована уникальным историческим опытом, географией США и культурным кодом американской элиты. Причем, идеалистические и реалистические подходы в равной степени служили обоснованием американской внешней политики как при реализации изоляционистской, так и интервенционистской внешней политики.

Идеи американского изоляционизма лежали в основе внешней политики США в период с 1776 по 1941 год, что составляет 165 лет исторического пути Америки, тогда как период американского интервенционизма с 1941 по 2016 год составил 75 лет, а вместе с 4 годами правления Джо Байдена – 79 лет. Следовательно, большую часть своей политической истории США находились на изоляционистских рельсах развития.

Штаты болезненно переходили от внешнеполитической парадигмы изоляционизма к интервенционизму. Первая попытка состоялась в конце Первой мировой войны при Вудро Вильсоне. Однако Британия и Франция не подпустили США к подведению ито-

гов конфликта, американское общество оказалось не готово, а элиты расколоты. В итоге Вашингтон вернулся в привычные рамки изоляционизма. Вторая попытка, уже успешная, перехода к интервенционизму состоялась в 1941 году со вступлением США во II мировую войну. В обоих случаях США был нанесен психо-исторический урон – гибелью американских граждан на «Лузитании» и в Перл-Харборе. То есть изоляционистская парадигма показывала уже неспособность обеспечить национальную безопасность США и граждан США, в том числе, за пределами США.

В течение XIX в. американские войска периодически участвовали в операциях за пределами Западного полушария, включая Триполи (1801–1805, 1815), Алжир (1815), Грецию (1827), Суматру (1832, 1838–1839), Либерию (1843), Китай (1843, 1854, 1856), Анголу (1860), Японию (1863–1864, 1868) и Корею (1871). Но во всех этих случаях для защиты американских торговых судов и граждан США использовались только небольшие рейдерские группы. Для этих так называемых эскадр, часто состоящих из нескольких кораблей, плавающих в одиночку, Соединенные Штаты даже построили базы в бассейнах Средиземного моря и Тихого океана и в Ост-Индии. Но ни рейдерские группы, ни заморские базы не были средством установления постоянного американского присутствия. США демонстрировали заинтересованность в защите своих торговых связей и не заботились о поддержании баланса сил в отдаленных регионах мира [8]. Однако в Западном полушарии позиция Штатов оказалась более жесткой. Они призвали европейские государства ограничить своё влияние в этой части мира.

Обращаясь к исторической традиции разделения сфер влияния в западной цивилизации, можно выделить два подхода в ее реализации – два вида баланса сил: французский *raison de tat* – национальный интерес и английский *balance of power*. Французский предполагает непосредственное участие субъекта в одном из разыгрываемых балансов, тогда как английский баланс сил предполагает дистанционное разыгрывание субъектом различных комбинаций без непосредственного участия, и только, когда ситуация становится критической, субъект всей своей мощью вступает в игру на стороне, которая позволяет ему реализовать свои национальные интересы в полной мере. После того, как конкурент повержен, при «британском балансе» стоит задача выстраивания новых балансов с участием победителей и побежденных, с тем, чтобы не позволить чрезмерного усиления одной стороны за счет другой [7, с. 45–88; 9, с. 84–85].

Исторический опыт показывает, что *balance of power*, несмотря на более выгодную методологию, лежащую в основе его реализации, имеет все же значительные издержки. Победившая континентальная сторона при поддержке субъекта, разыгрывающего баланс, как правило, усиливается настолько, что мировому гегемону приходится создавать систему сдерживания уже вокруг бывшего союзника, затрачивая при этом значительное количество ресурсов и жизненных сил (английской) нации.

Синхронизация западных традиций реализации различных видов баланса сил дает основание и для следующего вывода: логика «французского баланса» работает для американской внешней политики, когда она переходит на уровень активного интервенционизма, в то же время, «британский баланс» характерен для тех периодов истории

США, когда преобладали изоляционистские тенденции и Вашингтон руководствовался чаще односторонними действиями с ограниченным вовлечением в военно-политические союзы. На уровне практической политики именно это происходит с начала 2025 г., после возвращения Д. Трампа в Белый дом. Американцам нужно перезагрузить свой военно-промышленный комплекс, что они в большой мере уже сделали, чтобы быть готовыми к своей основной схватке за мировое лидерство – в Восточной и Юго-Восточной Азии. Далее в этом случае произойдет полное замещение помощи США Украине европейскими силами, экономическими и военно-техническими поставками. «Первая скрипка» при этом достанется Британии, которая будет заниматься европейскими делами, то есть своей традиционной сферой влияния в рамках методологии «британского баланса» в Европе.

А на Тихом океане, как и в период II мировой войны, первую скрипку будут играть США. Только сейчас они будут сдерживать не Японию, а Китай. То есть реализуется сценарий перехода в политике США от «французского» к «британскому балансу». По глубокому убеждению авторов, ключевым фактором, объясняющим попытку поворота Америки от изоляционизма к интервенционизму и наоборот, является экономическая мощь США. При первой попытке выхода из рамок изоляционизма при В. Вильсоне в 1918 г. США располагали чуть более 20% мирового ВВП. В 1945 г. этот показатель более чем удвоился и достиг 52% [10]. В настоящее время, по разным оценкам, американский ВВП составляет от 18 до 23% мировой экономики [11; 12]. То есть, в экономическом плане появились детерминирующие предпосылки перехода США от политики интервенционизма к «новому изоляционизму».

Исторический опыт «перенапряжения» великих держав подробно исследовал в работе «Взлеты и падения великих держав» Пол Кеннеди, который полагает, что основной ошибкой элит, теряющих силу гегемонов, является попытка сохранения чрезмерных имперских обязательств, когда недостаточные внутренние ресурсы и относительный рост других центров силы не позволяют реализовать этот курс [13].

Известны ли истории примеры добровольного отказа от гегемонии? Британия, ближайший современный союзник США, в 1945 г. сделала этот отказ от гегемонии управляемым. Однако действия Британии начались ранее во время подписания Атлантической хартии. И именно эта хартия может являться исторической точкой выхода США из логики изоляционизма. После победы на президентских выборах Д. Трамп организывает 27 января 2017 г. первую встречу с Т. Мэй, которая приходит к власти 11 июля 2016 г., после начала процесса выхода Великобритании из ЕС. «Брексит», Крым, приход Д. Трампа могут рассматриваться как разумный компромисс национальных элит великих держав в пользу процессов регионализации и как следствие объективного проявления кризиса глобализации.

Американский исторический опыт показывает определенную схожесть периодов развития Америки в начале XX и XXI вв. Внешняя политика Д. Трампа с его ярко выраженным реализмом и внешнеполитической риторикой находит исторические аналогии с периодом и характером президентства Т. Рузвельта. Хотя 26-й американский президент



не вышел за рамки доктрины Монро, он существенно расширил её интерпретационные границы и был сторонником реализма и баланса сил во внешней политике, а США реализовали принципы «большой дубинки» и статус «мирового жандарма». Рузвельт получил Нобелевскую премию мира за послевоенное урегулирование российско-японских отношений (1906), при этом, опираясь на Великобританию, остановил геополитическое продвижение русских к Тихому океану руками японцев, однако, он отчетливо понимал угрозу для США со стороны Японской империи и предпринял действия по военно-политическому сдерживанию Токио. Таковы уже были издержки методологии «британского баланса» для США в Азиатско-тихоокеанском регионе в начале XX в., которые стали прологом к одному из фронтов будущей Второй мировой войны.

Как подчеркивает Фридман (2020), при проведении исторических аналогий с современным кризисом США и его влиянием на мировую систему, можно выделить два основных цикла, которые помогают понять текущую ситуацию в США. Институциональный цикл повторяется каждые 80 лет (есть три таких примера: Война за независимость/основание, Гражданская война и Вторая мировая война), и сейчас видны признаки следующего перехода от одного цикла к другому, который начался в 2025 г. Другой основной цикл – это пятидесятилетний социально-экономический цикл, который меняет динамику американской экономики и общества, и его последний сдвиг приходится на 1980-е годы, когда экономическая и социальная нестабильность, начавшаяся в 1960-х годах, привела к фундаментальному кризису системы. Эта социальная и политическая нестабильность закончится к концу 2020-х годов.

Впервые в истории США оба цикла завершатся в середине 2020-х годов, что означает, что 2020-е годы станут одним из самых сложных периодов в истории США. Институциональные и социально-экономические циклы будут по-прежнему в большей степени определять судьбу США. Американцы «просто пассажиры на американских горках» [6, с. 7].

На практическом уровне внешняя политика Трампа нашла свое выражение в доктринальных документах его первого президентского срока, предопределивших внешнюю политику США: Стратегия национальной безопасности (СНБ) 2017 [14], Стратегия национальной обороны (СНО) 2018 [15] и Стратегия национальной биологической защиты (НСБЗ) 2018 [16]. Сравнивая их, можно сделать некоторые выводы и обозначить рамки, характер и основные направления внешней политики США при Д. Трампе.

Во-первых, внешняя политика США при Трампе основывается на большей независимости от союзников, упор делается на применение силы против конкурентов: Китая, России, Ирана и Северной Кореи; США создавали благоприятный для себя «баланс сил» в различных регионах мира, не позволяя одной державе контролировать какой-либо из регионов мира. В то же время США искали пространство для сотрудничества с Китаем и Россией, однако, с позиции силы и на условиях Вашингтона.

Во-вторых, США настаивали на большем финансовом вкладе со стороны своих союзников для обеспечения собственной и общей безопасности. Таким образом, американцы фактически способствуют большей военной и политической независимости

и изменению архитектуры мира. То, что делали Китай и Россия десятилетиями ранее, пытаясь построить многополярный мир «снизу», декларируется американцами в указанных документах, но уже «сверху».

В-третьих, и СНБ, и СНО демонстрируют, что США намереваются «сдерживать российский авантюризм» [15, с. 9] на периферии границ России, которые одновременно образуют дугу нестабильности, прилегающую к НАТО, однако, это должно происходить за счет партнеров. Тема расширения НАТО не затрагивается, а Украина и Грузия в Документах даже не упоминаются. В СНБ и СНО заинтересованность Вашингтона в России уступает заинтересованности в Китае, что показывает иерархию конкурентов. КНР должна была оказаться в окружении союзников США, а основная работа по сдерживанию Китая возлагается на Индию, из которой США должны сделать мировую державу в Индо-Тихоокеанском регионе. Сдерживание конкурентов – Китая и России – происходит в логике и методологии «британского баланса» сил.

В-четвертых, Вашингтон выделил в первую каденцию Трампа три критических региона, контроль над которыми позволил бы ему сохранить доминирующее положение: Индо-Тихоокеанский регион, Европу, Ближний Восток – и дополнил их еще тремя: Южная и Центральная Азия с центром в АфПаке, Западное полушарие и Африка. Во всех этих регионах прослеживается логика сдерживания экспансии Китая, хотя разработчики доктринальных документов отмечают, что Россия также нашла оперативное пространство для продвижения своих интересов в этих регионах. Вашингтон должен был стремиться в первый президентский срок Дональда Трампа изменить внешнеполитические планы элит Китая и России.

В-пятых, регион Черного моря и Восточного Средиземноморья, к активной политике в которых Россия вернулась в 2014 году, хотя и не выделялся в указанных документах США отдельно, однако, оказался на перекрестке центральных для американской внешней политики регионов мира: Европы, Ближнего Востока и Африки. США планировали сохранить присутствие в этих регионах, сформировав выгодный для себя баланс сил, и не допустить попадания ни одного из них под контроль одной державы. Такая формулировка давала определенные рамки для реализации российского внешнеполитического курса, заключающегося в разделе сфер влияния в Черноморском регионе с Турцией и в недопущении «третьего лишнего» при создании выгодного для себя баланса в Средиземноморском регионе за счет расширения круга союзников [17]. Выявление первичной китайской угрозы во всех этих регионах также создавало благоприятные условия для России, поскольку механизмы «сдерживания через устрашение» должны были быть направлены в первую очередь против Пекина. Однако события в Сирии в декабре 2024 года, где за короткое время пал режим Башара Асада и рухнула формула союза региональных держав – России, Турции и Ирана – против экспансии глобальных с вытеснением интересов Москвы и Тегерана из Восточного Средиземноморья, заставил пойти последних на беспрецедентное историческое сближение, что отразилось в подписанном Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 17 января 2025 г. [18], статья 5, пункт 4 которого по

сути и между строк возвращают ИРИ к активной внешней политике на Южном Кавказе, где её не было 200 лет. Такое сближение является ответом России и Ирана на политику США, Израиля и Турции в ключевых регионах для всех вышеперечисленных игроков.

В-шестых, логика и контекст СНБ 2017 г., Национальной стратегии биологической защиты 2018 г. и СНО 2018 г. свидетельствуют о переходе США при Трампе к стратегической обороне с сохранением силового, технологического и экономического лидерства. При этом внешняя политика основывается в первую очередь на схеме «британского баланса сил». Унилатерализм, «британский баланс», «мир через силу», «свобода рук» во внешней политике и военных действиях, стратегическая предсказуемость и оперативная непредсказуемость – все это черты, больше связанные с изоляционизмом. Однако такие характеристики, как контроль над ключевыми регионами и предотвращение попадания этих регионов в руки одной державы, сохранение доступа ко всем важным регионам мира, сохранение старых и приобретение новых союзников – прямо противоречат первой и второй заповедям изоляционистов: невмешательство в европейские дела и следование доктрине Монро. В результате внешняя политика США при Трампе в первую каденцию – это синтез американского интервенционизма и изоляционизма, а складывавшаяся система международных отношений имеет черты Вестфальской системы (с такими категориями, как «национальные государства», «национальный суверенитет», «национальные интересы»), Венской системы международных отношений («многополярное державное противостояние», «конкуренция» и т.п., «сотрудничество на основе паритета сил»), а также механизмы Ялтинской системы (наличие ядерного оружия, система сдерживания американских конкурентов и ООН). По всей видимости, заложенные основы внешней политики будут продолжены и развёрнуты в течение второго срока президентства Д. Трампа.

### **Заключение**

Таким образом, США оказались в сложной ситуации поиска новой внешнеполитической идентичности в условиях истощения экономических ресурсов, внутренних кризисов и перехода мирового лидерства к незападной цивилизации. Международные отношения перестраиваются по трем основным направлениям.

Во-первых, пересматриваются итоги окончания холодной войны. Россия и Китай, а также другие региональные центры силы из числа государств мировой полупериферии уже более четверти века подрывают американское глобальное господство.

Во-вторых, пересматриваются итоги окончания II мировой войны: побежденные державы в последней мировой войне, в первую очередь Германия и Япония, стремятся повысить свой военно-политический и экономический суверенитет, что находит отражение в изменении японской конституции, снятии ограничений на развитие армии. Германия будет вынуждена перейти к ремилитаризации своего государства исходя из позиции США по украинскому кризису, самого наличия украинского военно-политического кризиса.

В-третьих, существуют государства, к примеру, такие как Турция, которые пересматривают итоги еще Первой мировой войны, возвращая себе статус полноценных регио-

нальных держав, стремящихся получить статус мировой, и этот транзит проходит у них достаточно успешно, несмотря на недостаток экономических ресурсов.

В-четвертых, меняется экономический гегемон. Китай вышел на первое место по производству материальных ресурсов, в то время как США остаются мировым финансовым центром [19].

В-пятых, пандемия коронавируса внесла свои коррективы в динамику развития международных отношений, став катализатором антиглобальных процессов. Хотя биологическая угроза имела все шансы объединить мир в общей борьбе перед общей угрозой и тем самым оправдать тенденции глобализации, она, напротив, ускорила регионализацию мира и взаимные обвинения в создании вируса и вакцинных войн. В условиях биоугрозы можно констатировать появление еще одного критерия великой державы: способность разрабатывать и производить медикаменты от новых инфекций; она размывает границы, но заставляет каждую державу действовать исключительно в своих интересах в своей исключительной сфере влияния – это еще один компонент подтверждения или потери геополитического лидерства.

В-пятых, ослабление экономической мощи и внутренние кризисы в США, появление альтернативных проектов глобализации в виде китайского «Пояса и Пути» в краткосрочной и среднесрочной перспективе будут способствовать распаду мира на ряд макрорегионов.

И наконец, в-шестых, Черноморский регион и Восточное Средиземноморье являются зоной первостепенных национальных интересов России. Сложные партнерские и явные конкурентные отношения России и Турции заставляют их уже на протяжении более 250 лет искать взаимные балансы сосуществования в этом регионе, которые всегда были подвержены внешнему косвенному воздействию или прямому влиянию. Тенденция глобального уровня – распад мира на макрорегионы и уход США в политику «нового изоляционизма» со всеми описанными особенностями обострит накопившееся противоречия региональных держав вплоть до военно-политического столкновения. Здесь нужно учитывать, что в настоящее время Черноморский регион в различных его геополитических конфигурациях стал зоной сосуществования и столкновения таких геополитических проектов, как «Новороссия», «Большой Черноморский регион» (Wider/ Broader Black Sea Region), «Пояс и Путь» (一帶一路), «Триморье» (Великобритания) и «Турецкий мир» (Türk dünyası).

### Список литературы

1. Попова Е.И. Американский изоляционизм и создание Версальско-Вашингтонской системы // Вопросы истории. – 1964. – №5. – С.78–94
2. Graebner N. The new isolationism; a study in politics and foreign policy since 1950 / N. Graebner. – New York: Ronald Press, 1957. – 289 p.
3. Войтоловский Ф. «Определение стратегических целей – это сфера идеологии...» // Международные процессы. – 2017. – Т.15 – № 1 (48). – С. 157-168.

DOI 10.17994/IT.2017.15.1.48.12

4. Капчан Ч. Столкновение исключительностей // Foreign Affairs. – 2018. — №2  
URL: <https://globalaffairs.ru/number/Stolknovenie-isklyuchitelnosti-19746>
5. Taiwo B. Nowhere to Hide: Nation States' Security and Stability in the Age of Globalization // Journal of Globalization Studies. – № 8 (2). – P.27–41.
6. Friedman G. The Storm Before the Calm: America's Discord, the Coming Crisis of the 2020s, and the Triumph Beyond. – Doubleday, New York, 2020.
7. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
8. Cupchan Ch. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. – New York: Random House USA Inc., 2003. – 416 p.
9. Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе /Под ред. А.А. Ирхина. – М.: Аспект-Пресс, 2024. – 264 с.
10. Юрченко С.В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы. Дис. док. пол. наук. – К., 2001. – 430 с.
11. Historical Tables, Budget of the United States Government 1985-2018. URL : <https://fraser.stlouisfed.org/title/383#issues>
12. Trading Economics. United States GDP. URL : <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp>
13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House USA Inc., 1987. – 704 p.
14. National Security Strategy of the United States of America. December 2017
15. National Biodefense Strategy. 2018.
16. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL : <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
17. Irkhin A., Moskalenko O. 2020. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. – № 15(56). – P. 110-121
18. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран// Президент России. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258>
19. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. –2021. –Т. 21. – № 2. –С. 210–231.

### Сведения об авторах

Ирхин Александр Анатольевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук и международных отношений ФГАУО ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г.Симферополь, Российская Федерация  
Email: [Alex.irhin@mail.ru](mailto:Alex.irhin@mail.ru)

Москаленко Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Институт

общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация

Email: [kerulen@bk.ru](mailto:kerulen@bk.ru)

Демешко Наталья Эдуардовна – кандидат политических наук, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация

Email: [natalidem93@mail.ru](mailto:natalidem93@mail.ru)

Немцев Владимир Владимирович – председатель Законодательного Собрания города Севастополя, г. Севастополь, Российская Федерация

Email: [nemcev71@gmail.com](mailto:nemcev71@gmail.com)

**Irkhin A. A., Moskalenko O. A., Demeshko N. E., Nemtsev V. V.**

## **NEW TRUMP'S "ISOLATIONISM": WHAT SHOULD RUSSIA EXPECT IN THE BLACK SEA REGION AND EASTERN MEDITERRANEAN?**

**Abstract:** *The article defines the principles of transformation of the US foreign policy after 2016 both at the global and regional levels, based on the analysis of the historical experience of American foreign policy and the main doctrinal documents; identifies the main reasons for the transformation of the foreign policy of the Donald Trump administration in the first presidential term and makes a forecast for the second. The combination of the systemic and geopolitical approaches in the methodology allowed for the creative application of the principles of dialectics inherent in the American foreign policy tradition: isolationism and interventionism, on the one hand, and political realism and idealism, on the other. The authors have come to the conclusion that US foreign policy will be based on greater independence from its allies, an emphasis on the use of force against competitors: China, Russia, Iran and North Korea – and will be aimed at forming a «balance of power» in various regions favorable to the United States, preventing control of any of the world's regions by one power. The Black Sea and Mediterranean region is not singled out separately by the USA, however, it is part of three central areas for American foreign policy: Europe, the Middle East and Africa. This provides a certain framework for the implementation of the Russian foreign policy course, which supposes dividing spheres of influence in the Black Sea region with Turkey and preventing presence of other actors in the region while simultaneously creating a favorable balance for itself in the Mediterranean region, especially in its eastern part, by expanding the circle of allies. At the same time, Russia's foreign policy in this region should exclude a scenario in which the USA and/or its allies implement a historical analogy of the Crimean War and the Paris Peace Treaty of 1856.*

**Keywords:** USA, Russia, isolationism, interventionism, globalism, balance of power.

### **References**

1. Popova E.I. Amerikanskij izolyacionizm i sozdanie Versal'sko-Vashingtonskoj sistemy [American Isolationism and the Versaliies-Washington System]. Voprosy istorii. – 1964. – no.5. – pp.78–94.
2. Graebner N. The new isolationism; a study in politics and foreign policy since 1950. New York: Ronald Press, 1957. – 289 p.
3. Vojtlovskij F. «Opredelenie strategicheskikh tselej – ehto sfera ideologii...» [Strategic Goal Defining Is Referred to the Sphere of Ideology]. Mezhdunarodnye protsessy. – 2017. – Vol 15. – № 1. – pp. 157–168.
4. Cupchan Ch. Stolknoveniie iskluchitel'nostei [The Clash of Exceptionalities] // Foreign Affairs. – 2018. – №2 URL: <https://globalaffairs.ru/number/Stolknovenie-isklyuchitel'nostei-19746>
5. Taiwo B. Nowhere to Hide: Nation States' Security and Stability in the Age of Globalization //Journal of Globalization Studies. – 2017. – № 8 (2). – P.27–41.
6. Friedman G. The Storm Before the Calm: America's Discord, the Coming Crisis of the 2020s, and the Triumph Beyond. – Doubleday, New York, 2020
7. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon&Shuster, 1994. – 912 p.
8. Cupchan Ch. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. New York: Random House USA Inc., 2003. – 416 p.
9. Klyuchi ot Evrazii. Rossiya i Turkiya v Chernomorskom regione [Keys to Eurasia. Russia and Turkey in the Black Sea Region] / Ed. by A.A. Irkhin, Moscow, Aspect-Press, 2024.
10. Yurchenko S.V. Geostrategiya SSHA v processe stanovleniya global'noj derzhavy. Diss. dokt. polit. nauk [The USA Geostrategy in the process of the Global Power Formation. Dr.Diss (Politics)] Kiev, 2001. – 430 p.
11. Historical Tables, Budget of the United States Government 1985-2018. URL : <https://fraser.stlouisfed.org/title/383#issues>
12. Trading Economics. United States GDP. URL : <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp>
13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House USA Inc., 1987. – 704 p.
14. National Security Strategy of the United Stated of America. December 2017
15. National Biodefence Strategy. 2018.
16. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL : <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
17. Irkhin A., Moskalenko O. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. – 2020. – № 15(56). – P. 110-121
18. Dogovor o vseob»emlyushchem strategicheskom partnyorstve mezhdru Rossijskoj Federaciej i Islamskoj Respublikoj Iran// Prezident Rossii. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258>

19. Degterev, D.A., Ramich, M.S., & Tsvyk, A.V. (2021). U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 210—231. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>

Irkhin Aleksandr Anatolievich – doctor of Political Science, Professor at V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation.

*Email:* [Alex.irhin@mail.ru](mailto:Alex.irhin@mail.ru)

Moskalenko Olga Aleksandrovna – candidate of Philology, Assistant Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.

*Email:* [kerulen@bk.ru](mailto:kerulen@bk.ru)

Demeshko Natalya Eduardovna – candidate of Political Science, Assistant Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.

*Email:* [natalidem93@mail.ru](mailto:natalidem93@mail.ru)

Nemtsev Vladimir Vladimirovich – chairman of the Legislative Assembly of the city of Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation.

*Email:* [nemcev71@gmail.com](mailto:nemcev71@gmail.com)